

Сай Юн

ПЕРЕКРЕСТОК

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ю49

Юн С.
Ю49 Перекресток / Сай Юн – М.: Литнет, 2026. – 226 с.

ISBN 978-5-521-99300-0

Эта история о гостинице, которой нет ни на одной карте. Её хозяин встречает тех, кто уже умер, но так и не смог уйти. Призраков, застрявших между мирами. Тех, чьи тела не найдены, чьи истории не закончены, чьи имена ещё ждут, чтобы их вспомнили. Каждую ночь в гостиницу «Перекресток» приходят новые гости. У каждого — своя тайна, своя боль и последняя просьба. Найти тело. Поставить точку. Освободиться. Но чем больше историй он распутывает, тем отчётливее понимает: перекрёстки бывают не только у мёртвых. Иногда живым тоже нужно решить, остаться или уйти. Мистическая, тёплая и немного печальная история о памяти, выборе и границе, за которой наконец становится тихо.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99300-0

© Литнет, 2026
© С. Юн, 2026

Гость под дождем

Дождь шёл третий час, не устая и не торопясь. Он забивал водостоки, стекал по карнизам стеклянными нитями, перебирал листья на клёнах, как музыкант – струны. В переулке, где стоял отель «Перекресток», звук дождя был тише: стены теснились близко, а крыша отеля выступала над входом широким козырьком, под которым всегда пахло корицей и тёплым деревом.

Рин протёр стойку. Машина выдохнула пар, как маленький локомотив, и затихла. Часы над дверью показывали без пяти девять – в это время живые почти не заходили. Зато другие... другие, находили дорогу чаще.

Они приходили по-разному. Одни распахивали дверь с шумом ветра, как будто спешили на поезд. Другие стояли снаружи долго, прислушиваясь к себе, к шуму в груди, которых уже не было, к тем голосам, что затихли. Большинство всё ещё надеялись – на звонок, на чьи-то шаги по лестнице, на то, что утром всё станет прежним.

Звонок над дверью звякнул резко и одиноко. Внутрь шагнул мужчина в длинном поношенном пальто – вода стекала с пол, оставляя на ковре тёмные росчерки. Он снял шляпу, выжал поля, словно это могло помочь, и поднял взгляд. И сразу – Рин это заметил – глаза соскользнули к лампе у стойки, потом к кофемашине, к табличке «Ресторан закрыт с 23:00», к витражу на лестнице. Глаза искали знакомые детали мира. Для тех, кто только что пришёл сюда впервые – это было важно.

– Добрый вечер, – сказал Рин спокойно. – У нас тихо. Согреться хотите?

Мужчина промолчал. Капли на ресницах дрожали, но не падали – будто держались последней привычкой тела. И ещё Рин отметил, как за спиной гостя свет из переулка прошёл через него странно – не касаясь плеч, не цепляясь за ткань. Тень не легла на ковёр. Она вообще не легла.

– Кофе... – голос у мужчины оказался хриплым, как у того, кто много молчал. – Что-нибудь тёплое. Если можно – с корицей.

В этом месте многие просили корицу, даже те, кто никогда её не любил. Рин кивнул:

– Можно. Садитесь. Там, где удобно.

Гость прошёл к столикам у окна. Сел, не снимая пальто, как человек, который не уверен, что имеет право остаться.

Рин включил помол, и в воздухе поднялся первый запах – тёплый, маслянистый, чуть ореховый. Он всегда приходил первым, как напоминание, что мир устроен просто: бобы, горячая вода, пара движений – и у тебя в ладонях кружка, в которой можно жить. Потом – второй запах. Не всем дано его слышать. Он прятался тонко и упрямо, как нить в полотне. Иногда это была мята – и тогда приходили воспоминания о летних вечерах на балконе. Иногда – яблочный пирог, и человек начинал говорить о маме, которая всегда оставляла последний кусочек. Иногда – гроза: тяжёлый электрический шорох под кожей, будто в крови всё ещё ходит напряжение.

Сейчас же воздух повёл в сторону сырости. Сначала – просто дождь. Потом, тоньше, глубже – вода на бетоне. И за этим, как железная скоба под тканью, – *мокрое железо*. Это был редкий запах, твёрдый, как буквы на табличке. От него снизу холодело в ладонях. Он напоминал не о крови – нет, не прямо – а о том, как холодный металл отзывается о кожу. Перила. Мост. Цепь.

Рин поставил питчер на плиту, насыпал корицу щепотью, дал пару секунд, пока пар протянет нить между специями и молоком. Вдохнул ещё раз – да, мокрое железо было здесь, как чужая нота в знакомой мелодии.

– Как вас зовут? – спросил он, когда кружка села на блюдце, а корица потемнела веснушками на молочной пене.

– Я... – Мужчина замолчал. Лоб его чуть наморщился, как у человека, который пытается услышать собственную мысль в шуме дождя. – Я был... – Он рассмеялся коротко и сухо. – Был – это как? Это ведь уже не сейчас, да?

– Здесь можно говорить «был», – мягко ответил Рин. – И «есть». И «буду», если так легче. Имя всплывёт само. Возьмите.

Мужчина взял кружку двумя руками – так делают люди, которым холодно не только снаружи. Сделал глоток и медленно выдохнул. Вдох его был длиннее, чем выдох – как у пловца, который только что вышел из воды на берег.

– Знаете, – сказал он, глядя в пену, – бывает, что вещь пахнет правильнее, чем любой воспоминание. Этот кофе сейчас пахнет... дождём на мосту. И... – он прислушался, нахмурился. – Перилами. Ржавыми. И моими руками. Смешно?

– Нисколько.

– Я не могу вспомнить, – продолжил он глухо. – Я стоял. Я помню свет – жёлтый, дорожный. И звук – кто-то смеялся. И вода... много воды. А потом – будто провал. Всё время, как будто, падаю. И не могу упасть.

Он замолчал, и в эту паузу отель дышал. Лампа под потолком слегка качнулась, хотя двери были закрыты. Где-то в коридоре шелестнул шёлк – Рин знал, это третья, дальняя комната поправляет занавеску. Иногда отель делал такие мелочи: подсказывал, что слышит.

– Здесь можно остаться, – сказал Рин. – На ночь – точно. На сколько нужно – посмотрим. Номер найдётся. Поужинать успеете – кухня уже закрыта, но у меня в запасе есть яблочный пирог. И сливки.

Мужчина кивнул. Он выглядел уставшим без признаков усталости – это бывает у тех, чьё тело больше не тянет вниз привычными болями.

– Вам проще будет, – добавил Рин, – если вы назовёте хоть что-нибудь. Пускай это будет не имя. Дело. Привычка. Что угодно.

– Я... у меня был ключ, – неожиданно сказал гость. – Холодный, лакированный. От шкафа в подсобке. Запах... – Он улыбнулся уголком рта. – Белизна и лимон. Я работал... в автомойке? Нет. На складе. Я... Может – у музея? Господи. – Он сжал руку в кулак. – Что со мной.

– С вами всё логично, – сказал Рин. – Вы пережили слишком много дождя за одно мгновение. Мы соберём это по запахам. По словам. По мелочам. Так всегда выходит.

Гость снова кивнул. Он пил неторопливо, и с каждым глотком в лице его появлялось что-то более земное – как будто теплая тяжесть напитка заставляла черты прижиматься к коже.

– У меня есть комната для таких, – сказал Рин, поднимаясь. – Номер без номера. С видом на внутренний дворик. Там тихо. Я покажу.

Он взял ключ со стойки – бронзовый, старомодный, с вытертым гравированным листом клена на кольце. Знаковый предмет. ОТЕЛЬ любил такие.

В коридоре было полутемно, свет точечными лужицами разбегался по ковру. Витраж на лестнице забрал в себя остаток дождя и висел синим стеклом – в нём шевелились тени, похожие на листья. Когда они подошли к третьей двери, та уже была приоткрыта. Рин не удивился. «Перекресток» умел слушать лучше его.

– Здесь, – сказал он. – Если захотите – окно приоткройте, там фонарь, но не яркий. Я принесу полотенце и...

Гость остановился на пороге и обернулся:

– А вы... как вас зовут?

– Рин.

– Спасибо, Рин. – Он потянулся к руке, будто хотел пожать, но передумал, и просто кивнул – серьёзно, как кивают, прощаясь перед длинной дорогой.

Когда дверь закрылась, щёлкнуло что-то мягкое, как если бы отель вздохнул. Рин стоял в коридоре ещё секунду и прислушивался к себе. Запах мокрого железа не ушёл. Наоборот – стал гуще, начал стягиваться где-то внизу, под ногами. Подвал.

Он спустился.

Подвал «Перекрестка» был большой, как забытая станция метро. Когда-то здесь, видно, держали уголь и бочки. Теперь стояли стеллажи с банками, коробки со скатертями, старые улиточные чемода-

ны, в которых обитали прошлые сезоны. И одно – в дальнем проёме – место, куда отель не любил пускать. Рин каждый раз спрашивал разрешение. Сегодня – влажный холодом день – отель промолчал. Значит, можно.

Как только Рин ступил на последнюю ступень, воздух стал гуще. Он услышал звук – металлический, как если б кто-то провёл ложкой по внутренностям пустой раковины. И запах – вот он. Мокрое железо. Резче, чем наверху, почти ощутимый языком. Рин подошёл к старой мойке, наклонился, включил лампу над ней.

Вода в стоке дрожала.

Это было невозможно: вода стояла на уровне решётки, будто кто-то держал её снизу пальцами. И в ней, в чёрной глубине кругля, случайно вспыхнул отражением фонарь – того двора, который выше. Как будто два места сошлись в одну точку.

– Хорошо, – сказал Рин тихо. – Ты пришла первой.

Он не назвал по имени. Нельзя раньше времени. Сущности любили, когда их узнают. Это давало им возможность говорить громче. А пока – достаточно того, что он понял: за гостем поднялось не только воспоминание. За ним в отель протиснулась *та, что держит за руку падающих*.

Рин выключил лампу и поднялся. В лавке-коморке за кухней он достал полотенца – хранил их в дубовом ящике, чтобы всегда пахли сухим деревом. На блюде положил два куска пирога – яблоки и корица дают в темноте чувство дома. Нёс это в номер и думал о простых вещах: сколько утром нужно будет воды для кофемашины, не забыть проверить крышу над третьим окном, и ещё – позвонить одному человеку. Тому, кто не любит его звонки, но берёт их всегда.

Дверь в номер была закрыта. Рин постучал.

– Войдите, – сказал гость. Голос был уже чуть теплее.

Комната была маленькая: кровать, кресло у окна, столик. Влажности в воздухе не было – отель сушил воздух быстро, как печь. Гость

снял пальто, под ним – серая рубашка, простая, промокшая на плечах. Он выглядел моложе без тяжёлых складок ткани.

– Спасибо, – сказал он, глядя на пирог так, будто тот мог объяснить, кто он.

– Кушайте. – Рин поставил блюдо и полотенца. – Если захотите поговорить – я внизу. Если захотите молчать – это тоже можно. Здесь ничего не надо «правильно».

Гость кивнул. Он прижал ладони к кружке, закрыл глаза на миг. Рин уже собрался выйти, когда тот тихо добавил:

– Кажется... кажется, меня звали Ной.

– Это хорошее имя, – сказал Рин. – Дайте ему пожить во рту. Завтра проверим.

Он вышел и прикрыл дверь. По коридору прошёл шёпот – две двери дальше кто-то хихикнул, и тут же стих. Дождь снаружи стал тише – не перестал, просто отступил во двор.

На лестнице Рин достал телефон. Номер Марка был в избранном. Полиция редко нравилась «Перекрестку», но в делах человеческих порядок иногда нужен.

Марк снял с третьего гудка:

– Если это опять про «слышите запахи», – сказал он вместо приветствия, – то у меня для вас плохие новости. Погода смыла все запахи нафиг.

– У меня гость, – сказал Рин. – Молодой. Мокрый как река. Имя – возможно Ной. Мост у северной набережной. Вы знали о пропавшем сегодня?

На том конце было молчание. Потом, сдержанно:

– У нас есть заявление. Ночью. С товарищами выпивали. Последний раз видели у Старого моста. Автомобиль не найден.

– Тело тоже, – тихо сказал Рин.

– Пока нет. – Марк вздохнул. – И, как вы любите, «пока не нашли».

– У меня в подвале вода стоит на решётке, – сказал Рин. – Не стекает. И пахнет железом. Если можете – утром проверьте Старый мост.

И... – он замолчал, подбирая слова, чтобы не звучать слишком странно. – Если увидите цепь, ржавую, как будто сломали – не трогайте руками. Сфотографируйте.

– Чудесно. – Ирония у Марка всегда была бронёй, которую он поднимал выше, когда нервничал. – Я обязательно приеду и сфотографирую каждую ржавчину на этой долбаной набережной.

– Спасибо, – сказал Рин.

– И да, – добавил Марк. – Перестаньте звонить мне по ночам. Люди спят.

– Люди – да, – ответил Рин и отключился.

Он вернулся к стойке. Машина дышала вполсилы, будто устала вместе с ним. За стеклом витража дождь переходил в морось, а морось – в пар над брусчаткой. Рин достал из шкафа предмет, который не любил показывать без нужды. Кружка. Белая, чуть тяжёлая, с тонкой раковинной трещинки у ручки. Если присмотреться к кромке, там – еле заметные тёмные точки. Как у старых фарфоровых зубов.

Её подарили вместе с отелем. Не «подарили» – оставили, как оставляют опечатанную комнату, с запиской «не открывать». С ней было проще тем, кто готов знать. И тяжелее тем, кто был не готов.

Рин поставил её на стойку и просто смотрел. В такие моменты он слышал, как в отеле меняется ток воздуха, как сквозняк, мягкий и разумный, касался стены. Будто все комнаты прислушивались. Будто сам «Перекресток» спрашивал: «Слишком рано?»

– Да, – ответил Рин вслух. – Рано.

Он убрал кружку обратно, забрал с собой фонарь и поднялся на второй этаж дежурить. Так было правильнее: иногда ночи нужно, чтобы прожить себя без свидетелей.

Ему приснилась вода – прозрачная, как стекло на витражах – и железо, которое на вкус было не железом, а чем-то вроде остывшего молока. Во сне кто-то держал его за рукав. Рука была холодной, но усилие – отчаянным. Он проснулся от тишины – настоящей, как чистый лист.

И сразу понял, что тишина неправильная.

Дождь не шумел. В отеле ничего не шуршало. Свет ламп был неподвижен, как на фотографии. Рин сел на постели, прислушался. И услышал – очень тихо, откуда-то из коридора – плеск. Влажный звук, как если бы по ковру прошлись мокрыми ногами. Он встал, открыл дверь.

Следы были – еле заметные, тёмные, овальные – и вели не вниз, к выходу, не к ванной, не к кухне. Они вели к комнате без номера – туда, где отдыхал гость. Следы доходили до порога... и исчезали. Словно бы кто-то вошёл в воздух.

Дверь приоткрылась сама – на толщину пальца. Внутри было темно. Рин постучал всё равно и сказал:

– Ной? Это я. Всё в порядке?

Тишина задержалась и ответила эхом – не человеческим. Между стен прошёл шорох, похожий на длинные волосы, снятые с плеч. И в следующий миг из глубины комнаты дохнуло водой – сырой, холодной – и *мокрым железом*, гораздо резче, чем раньше. У Рина мурашками побежали плечи, но голос остался ровным:

– Тебя сюда не приглашали, – сказал он с порога. – Подожди там, где тебя дождь.

Ответом стало тонкое-тонкое шипение – как если бы по горячему стеклу капнула капля. И тьма внутри комнаты чуть шевельнулась, потемнела, будто в глубине прошёл кто-то влажный, неслышный.

Рин закрыл дверь и положил ладонь на холодную древесину. Отель подал лёгкий ток – будто сказал «вижу». Рин кивнул. Всё было на своих местах. Гость – внутри. Сущность – у порога. Кружка – в шкафу. Вода – в подвале.

Утром надо будет позвонить Марку ещё раз, пойти к мосту, взять с собой корицу, соль и верёвку. И ещё – спросить у «Перекрестка» разрешения открыть одну старую комнату, где хранится то, что всегда пахнет сухим ветром.

Он вернулся к себе и, лёжа в темноте, слушал, как тишина возвра-